

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**КОРОЛИ
ГОРОДСКИХ
ОКРАИН**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Алексей Дурасов*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Короли городских окраин / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-118345-5

Непростая жизнь у пацанов послевоенной Москвы. Нужно помогать взрослым по хозяйству, ходить в школу, работать, доставать продукты. А вокруг столько соблазнов — кино, коммерческие магазины, аттракционы в парках. Кому-то же всё это по карману... Семья Кольки Малыги — обыкновенная: мать, младшая сестренка, отец, вернувшийся из немецкого плена тяжело больным. Вся надежда на Кольку. Он и сам не замечает, как ловкая шпана втянула его в свой преступный промысел. Первая удачная квартирная кража опьянила парня, потом еще и еще. Пока на очередном «скачке» Колька не становится свидетелем страшной картины, перевернувшей всю его жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118345-5

© Шарапов В.Г., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

Она крутилась перед зеркалом, чернила тонкие брови карандашом все гуще и гуще, пока не осталась довольна отражением: завитые локоны, шляпка-таблетка, красные полоски губ, платье из переливчатой трофейной ткани. Накинула сверху пиджак, но поморщилась — не видно талии с тугим кокетливым ремешком.

Набрехала любимую лисью горжетку, что подарил муж на юбилей. Вот так лучше, сразу видно, что она жена солидного работника «Мосхимпрома». Пускай соседи шепчутся, что май на улице, это все от зависти к их шикарной жизни. Щедро оросила себя из бутылочки с надписью «Красная Москва» — все, готова к выходу.

У подъезда она замедлила шаг назло соседям: пускай полюбуются, как играет на ветру пышный подол ее платья, а мех переливается роскошным блеском.

Минуту триумфа прервал крепкий шлепок чуть ниже колена. От неожиданности женщина вздрогнула, резко повернулась назад, чтобы двинуть но-

ском туфли в морду соседской невоспитанной собаке. И в шоке отпрянула.

Снизу на нее смотрело продубленное до черноты, с глубокими порезами морщин лицо человека без ног. Это его уродливая рука-лопата болезненно стиснула нежную голень. Инвалид с обрубленным до самых бедер телом прокатил свою тележку почти по кончикам модных кожаных туфель.

— Ну-ка, дамочка, в сторонку, пропусти героя-инвалида. — Возле колен с тихим звоном медалей проплыла голова в сосульках грязных волос, бугристые плечи в замызганной гимнастерке.

Она достала из ридикюля платок и с отвращением вытерла место, к которому прикоснулись его гнусные пальцы.

Мужчина на тележке покатил дальше как ни в чем не бывало — мимо зарослей с голубятней в глубине, где он уже неделю наблюдает за жизнью дамочки, жены высокого партийного работника, дальше — по тротуару, потом долгая дорога вдоль трамвайных путей до многоголосого рыночного пятачка недалеко от трех вокзалов. Здесь его уже ждут.

Под деревом в ленивом ожидании замер высокий шеголь в яркой рубаше. При виде инвалида он не шевельнулся, продолжая наблюдать за ры-

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ночной толчеей из-под опущенных век. Только вздрогнули губы через грохот тележки:

— Здарова, Танкист.

— Здравой видали, — буркнул в ответ инвалид, которого передергивало от злости каждый раз, когда кто-нибудь тыкал в него прозвищем для послевоенных безногих калек, что передвигались с помощью тачек на колесах.

Он прижал к прохладной траве руки, занывшие после долгой поездки, сухо бросил:

— На четвертом живут они вдвоем, без детей, кухарка до обеда стряпает и уходит, три комнаты. Жирдяй ее, партийщик на мылзаводе, приказы раздает. Фатера шик-блеск.

— Откуда узнал? — в серых глазах Михана Давилки, вора-домушника, мелькнул интерес. Он сунул инвалиду плоскую фляжку с коньяком — знал слабости фронтовика. Тот сделал большой глоток, зажмурился, чтобы проследить, как от живительной влаги каждый сантиметр сухого, измученного тела словно напивается, становится мягким и теплым.

— Соседи болтали во дворе, жена у модистки платья шьет, воротник из лисы носит, он в костюмах, толстый. Автомобиль имеется. И продпаек мешками таскают каждую неделю. — Алкоголь заменил раздражение на игривое настроение. — А знаешь, как определяю, что квартира жировая?

Домушник фыркнул насмешливо (что за великая тайна у убогого осведомителя?):

— Ну?

— По ляжкам! — с ликованием выдал мужчина, глаза его засветились от внутреннего жара. — Если у хозяйки нога сдобная, а чулки шелковые, значит, и квартира в ажуре. Уж я-то знаю, столько бабенок перещипал!

Давилка еле удержался, чтобы не расхохотаться над безногим изуродованным казановой. Но, зная обидчивость фронтовика, только улыбнулся, достал из кармана купюру и сунул в жесткую от деревянных каталок-«утюжков» ладонь.

— На, заработал.

— В следующий раз подтяжки лучше мне принеси, как у тебя, трофейные. Копейки на поллитру мне и на рынке накидают. Подтяжки надо, штаны сваливаются, и рубаха торчит. — Калека кивнул на щегольские помочи с узкими серебрястыми зажимами, которые удерживали широкие брюки Михана.

Тот мысленно хохотнул над желаниями калеки: «Вот неугомонный безногий, форсить вздумал!» Но в ответ только кивнул и зашагал к остановке: пора срочно обсудить с Черепом, главарем их шайки, как обнести квартиру финдибоберной парочки.

ГЛАВА 1

В мае сорок седьмого Колька вновь увидел своего отца. Был тот худ, бледен, в гражданской одежде, висевшей на нем как на вешалке. Ни кепки, ни шляпы не было, и сильно полысевшая бугристая голова отца, обтянутая белой с синевой кожей, резко выделялась среди прохожих.

Отец медленными неуверенными шагами продвигался в сторону своего дома. Наверное, в его сердце должна была жить радость от предстоящей встречи с родными, от скорого возвращения в стены знакомой с детства квартиры, помнившей степенную поступь Пантелея Романовича, сурового Колькиного деда. Пантелей Романович чудом избежал раскулачивания в девятнадцатом и глупейшим образом подавился рыбьей костью через каких-то два года, в двадцать первом. Радость должна была жить в Игоре Пантелеевиче, Колькином отце, но ни одна мышца лица, ни малейшее движение сильно исхудавшего, согнувшегося тела об этом не говорили. Отец был жалок настолько, что каждый, кто проходил мимо, оглядывался и

проводил его долгим сочувственным, а порою и осуждающим взглядом.

Николай заметил отца, когда тот входил во двор. Долго всматривался в сильно изменившиеся, ставшие безвольными черты лица Игоря Пантелеевича, сразу не признавая в долговязом худом мужчине бату. Потом, когда все-таки понял, что глаза его не обманывают, Колька несколько минут не мог поверить увиденному.

В памяти всплывал желтоватый, дрожащий в мамкиных руках листок с сухими лаконичными фразами, которые набатом прогудели в Колькиной голове: «В бою за Социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив мужество и героизм, погиб 9 июля 1944 года...»

В тот день у мамки пропало молоко, и Наташа, двухлетняя Колькина сестра, перестала выпивать из матери последние соки, а два раза в день, утром и вечером, сидела теперь за общим столом, уплетая скудные куски хлеба и похлебку из картофельных очисток. Чтобы она самостоятельно дотягивалась до стола, мать подкладывала ей на скрипучий, из темного дерева, стул Колькины книги: «Три мушкетера» Дюма и «Всадник без головы» Майн Рида. Колька косился на край желтого платяца, худенькие девчачьи ножки, боясь, что сестра, неосторожно завожившись, помнет или порвет его любимые книги.

Подойдя к подъезду, отец остановился. Можно было подумать, что он сомневался, идти ему дальше или так и остаться на этом месте ночевать. Уставший пустой взгляд не выражал ничего.

Колька, который с Саньком и Альбертом находился совсем рядом, у турника, к этому времени уже признал в изможденном человеке батю.

Устало вздохнув, отец открыл дверь и вошел в подъезд.

— Ого, какой индивид к нам пожаловал, — заметил Альберт. — Словно с того света. Кого-то он мне напоминает.

— Труп фрица, — сострил Санька, — оживший через пару лет после захоронения.

Санька хотел вернуть еще одну колкость, она уже готова была слететь с его языка, но не успел. Не говоря ни слова, Колька сорвался с места.

Он вбежал в подъезд, быстро, через ступеньку, преодолел лестничный марш и застыл, глядя, как отец на втором этаже, у дверей их квартиры, долго и безотрывно жмет на кнопку звонка. Почему-то подойти и обнять Игоря Пантелеевича или, на худой конец, пожать руку ему Колька забоялся. Что-то чужое было в этом человеке, отстраненное и закрытое.

Дверь отворила Антонина Михайловна. Отец не сразу убрал руку с кнопки, и переливчатый звон словно перебрался в мамкины широко распахну-

тые глаза, запрыгал, заскакал в сини голубых зрачков и вдруг скатился сначала из одного, затем из другого глаза крупными, тяжелыми каплями.

— Игорь, живой! — охрипшим от волнения голосом прошептала мамка и бросилась мужу на шею.

Тот вздрогнул, испуганно подался назад, потом, словно опомнившись, положил руки на плечи жены и застыл в неудобной позе. Мать зарылась лицом в отвороты серого пиджака, плечи ее затряслись в беззвучном рыдании. Затем она громко и жадно вдохнула воздух, в котором будто бы топила два года безрадостной вдовой жизни, а сейчас вынырнула из воды и с завыванием заголосила:

— Родненький мой... Ведь не чаяла живым увидеть... Любимый... — с трудом выговаривала она между всхлипами.

Дверь напротив приотворилась, и в небольшом зазоре показалась любопытная голова Анны Филипповны, одинокой соседки в летах.

Из шестой квартиры тоже выглянули на шум. Вышел однорукий дядька Егор в рубахе с подоткнутым в рейтузы пустым рукавом. Из-за его спины высунулись любопытные носы Мишаньки с Пашкой, озорных погодков дошкольного возраста.

Потеряв руку еще в начале войны, дядька Егор в сорок втором был демобилизован, вернулся домой. Когда кто-то из соседей получал похоронку, страшно мучился от того, что у него в семье все так

благополучно. Он жалел овдовевших и оставшихся без сыновей женщин, стыдился того, что его жена, переживая тяготы войны за мужчиной спиной, оказалась счастливее других. Не раз он подбадривал добрым словом и Колькину мать, подсовывал Наташке карамельку, неизвестно откуда взявшуюся у него в военное время.

— Никак Игорь! — удивленно воскликнул дядя Егор и широко улыбнулся. — Ну, Михайловна, поздравляю! Чего ж ты плачешь, дурная голова, смеяться надо. Муж после стольких лет вернулся. Он же у тебя теперь, после похоронки-то, считай, заново родился.

Отец вздрогнул на последних словах соседа, бросил на него беглый взгляд и тут же отвел глаза. Мать, словно пристыженная дядькой Егором, стала всхлипывать реже, оторвалась от мокрого пиджака, стала утирать глаза руками. Сосед заметил на ступенях парня.

— А ты, Николай, что как не родной стоишь? Батяня с фронта вернулся. Теперь совсем другая жизнь пойдет. Не сирота ты больше.

* * *

Жизнь Колькина действительно закрутилась по-новому. И дома, и в школе...

— Рассаживайтесь побыстрее, через пятнадцать минут вторая смена завалит. Гладкова, тебя это не касается? Позже с подружками поболтаешь.

— А мы решаем вопрос голодающих детей Африки и подлой эксплуатации их империалистическими странами Запада. Завтра первым уроком — политинформация.

Хорошенькая Оля Гладкова независимо повела плечом и, усаживаясь за парту, гордо вздернула подбородок. Веснушчатая Надя Белоусова прыснула в кулак, предварительно отвернувшись от председателя совета пионерской дружины Антона Мещерякова.

— Знаю я вашу политинформацию, — сдвинул брови Антон. — Была бы моя воля, я бы тебя, Гладкова, ни за что в старосты класса не выбрал. Легкомысленная больно. И сознательность у тебя хромает.

— Ничего. Твоей сознательности, Мещеряков, на весь совет дружины с лихвой хватит. Даже еще останется.

Надя, занявшая место рядом с подругой, постаралась подавить очередную улыбку. От этого ее лицо перекосилось, кожа слегка покраснела, скрывая большие коричнево-рыжие веснушки. Не выдержав, Белоусова снова прыснула в кулак.

Лидия Михайловна, пионервожатая школы, молча сидевшая рядом с председателем совета дружины, строго постучала ручкой по парте. Этого было достаточно, чтобы члены совета быстро расселись по своим местам.

Парты в пионерской комнате были поставлены буквой «Г». С одной стороны, такое расположение позволяло создать иллюзию круглого стола. Каждый видел не затылки, а лица членов совета, чувствовал себя равным сидящему рядом. С другой стороны, председатель и пионервожатая всегда усаживались за парту, являющуюся шапкой буквы «Г», противопоставляя себя всем остальным, прямой линией столешницы отрезая себя от остальных учеников, одновременно возвышаясь над ними.

Воцарилась тишина. Двенадцать пар глаз выжидательно уставились на Антона.

— Внеочередное заседание совета дружины объявляю открытым. На повестке дня всего один вопрос: моральный облик ученика шестого «Б» класса Николая Пожарского.

— А мне его облик очень даже нравится, — заметила Оля Гладкова.

— Вот и женись на нем, — сострил Каркуша, длинноносый ученик восьмого класса со смоляными, всегда взъерошенными волосами. После избрания в совет дружины он загордился, отдалился от одноклассников и заметно испортился характером.

Все засмеялись, и Лидия Михайловна снова застучала по столу.

— Не совет дружины, а балаган какой-то, — обиженно сказал Мещеряков, повернувшись к пи-

онервожатой. Вся его фигура говорила о том, как тяжело вразумлять дружину, словно малых детей, что в пионерской комнате сейчас находится только два серьезных, ответственных человека, достойных носить звание пионера: он и Лидия Михайловна.

Пионервожатая незаметно для других приподняла брови, молча соглашаясь с любимым учеником.

— Так что там Пожарский опять натворил? — спросил пионер седьмого «В» класса, загорелый и спортивный Захаров Илья. Он был заядлым футболистом, с выгоревшими белесыми волосами, всегда стоящими на макушке ежиком. Илье не терпелось скорее покончить с нудной обязанностью члена совета дружины и убежать на школьный двор. — Давайте вклеим ему выговор и разоидемся по домам.

— За что? — возмутилась Гладкова. — Предлагаю выговор вклеить Захарову за безответственное отношение к своим обязанностям.

— Голосуем. Я «за»! — Надя потянула руку вверх.

— Серьезнее, ребята.

— Через десять минут вторая смена явится.

Лидия Михайловна встала и строго, сверху вниз, взглянула на пионеров. Все разом притихли, стали серьезными. Антон тоже встал, откашлялся и, несколько смущаясь, начал заседание.

— Итак, как я уже говорил, на повестке дня вопрос о поведении Коли Пожарского. Он систематически прогуливает уроки, плохо учится, не участвует в общественной жизни школы.

— И что? — ломающимся грубым голосом выразил свое удивление Гурам Алиев по кличке Гурман. — Мало ли в школе тех, кто плохо учится? В моем классе трое таких.

— Ну, можно на классном часе поднять вопрос о его успеваемости.

— Правильно. Или назначить сбор на тему «Береги минуту». И отметить, кто к своим минутам подходит ответственно, а кто, как Пожарский, бездумно их прожигает.

— Каждый год проводим эту «Береги минуту». Надоело!

— Тебе, Кораблев, может, и пионером быть надоело?

— Да я что...

Гладкова, порозовев щеками сразу от возмущения и от смущения, встала со своего места. Весь вид этой темноглазой красавицы, принципиально пренебрегавшей модными стрижками и гордо носившей толстую, с кулак, косу, говорил о твердой решимости отстаивать свою точку зрения.

— Я до четвертого класса училась вместе с Пожарским, — начала Оля, обведя взглядом собравшихся в пионерской комнате. Правая рука ее сжа-

лась в кулак, выказывая внутреннее напряжение, левой она оперлась на парту. — Четыре года — срок не малый. И могу с полной ответственностью заявить, что Пожарский — сознательный пионер. Мало кто из сидящих здесь знает, что в самом начале войны, когда Колиного отца забрали на фронт, Николай перестал ходить в школу.

— Вот именно, — радостно подхватил Антон. — Злостный прогульщик ваш Пожарский.

— Так ведь почему он прогуливал? — Оля прямо посмотрела на Мещерякова. Длинная прядь челки повисла над глазами. Оля дунула на челку, убирая с лица, и, обращаясь к одному только Антону, продолжила: — Мать Пожарского была нездорова и... с грудным ребенком. Да, Коля стал прогульщиком, но не от несознательности. Пока мы здесь, в школе, протирали свои штаны, Николай устроился на 393-й Красногорский механический завод, кормил семью и помогал фронту, вытаскивая снаряды. А ты, Мещеряков, что в годы войны сделал для фронта?

Повисла напряженная тишина. Надя, запоздало предостерегая подругу, дернула Гладкову за подол платья и испуганно охнула. Оля в упор смотрела на Антона. Рука ее, опиравшаяся на парту, мелко задрожала. Под прямым взглядом председателю совета дружины показалось, что на его стул насыпали битого стекла, которое впивается в пятую

точку, отчего хочется заерзать, вскочить и убежать. Антон сглотнул, подавляя свое малодушное желание.

На выручку любимцу пришла пионервожатая.

— Это, конечно, хорошо, — прервала она тягостное молчание. — Работа на оборону страны — дело замечательное. Если таковая работа действительно была. С этим стоит разобраться...

— Я знаю наверняка! — воскликнула Оля, перебивая Лидию Михайловну. — В нашем доме многие из соседей работают на Красногорском заводе. Они знают Колю и видели его там.

— Что он делал на этом заводе, остается вопросом открытым.

— Лидия Михайловна, соседи не будут лгать!

Женщина, изменив своей обычной сдержанности, вдруг вспыхнула и закричала:

— А где в это время находился отец Пожарского, соседи тебе не сказали? Что он делал, пока Пожарский, по твоим словам, работал на оборону, а по моим сведениям, злостно прогуливал школу?

Гладкова растерялась от неожиданного напора, моргнула и неуверенно ответила:

— Известно где. На фронте. Воевал с фашистами.

— Воева-а-ал?! — Лидия Михайловна с удовольствием растянула слово, будто пробуя его на вкус. Светлые ее глаза с белесыми ресницами сощури-

лись, лицо приняло хищное выражение. — Или сдался в плен, дрожа за свою шкуру? Как последний трус. Собственно, почему как... Он и есть трус. Трус, продавшийся Германии!

Оля вздрогнула. Захаров многозначительно присвистнул, тут же получив толчок локтем под ребра. Дверь приоткрылась, в щель просунулась веснушчатая голова ученика второй смены. Он хотел было что-то спросить, но, почувствовав повисшее в воздухе напряжение, осторожно прикрыл дверь.

— Лидия Михайловна, — растерянно пробормотала Оля, — у вас точные сведения?

— С непроверенными данными я бы не созывала совет.

* * *

Слух об отце Пожарского распространился по школе за считанные часы. Все, от учителей до первоклашек, с любопытством оглядывались на Колю, едва тот показывался в школьном коридоре. На переменах школьники даже прибегали с других этажей, только чтобы, толкаясь и переговариваясь, посмотреть на Колину сутулую спину и бросить ему вслед презрительное: «Немец». Кличка эта приклеилась к нему намертво и уже до конца учебы в школе не отпускала его.

История пребывания Игоря Пантелеевича в плену обростала домыслами, порою реалистич-